

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ВСЕВОЛОД МИЛЛЕР И ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ОСЕТИИ

**Л. А. ЧИБИРОВ,
доктор исторических наук, профессор, зав. отделом этнологии
СОИГСИ им. В.И.Абаева**

Ученых и путешественников, побывавших в Осетии в прошлые столетия и писавших об осетинах, множество, и мы, благодарные потомки, помним и чтим их, преклоняем перед ними головы.

Однако среди них ярко выделяется величественная фигура акад. РАН Всеволода Федоровича Миллера. Имя его заняло особое место в сознании современной ему интеллектуальной элиты нашего народа, которая за исключительные заслуги готова была оказать ученому божеские почести. В.Ф.Миллер создал фундаментальные исследования, открывшие Осетию и

осетин для мировой науки. Они стали настольными книгами для всех тех, кто интересуется языком, историей и культурой осетин. Знаменитые «Осетинские этюды» Миллера в трех частях стали своеобразной Библией для нашего народа: они оказали настолько сильное влияние на духовный мир осетинского народа, что мы обязаны отмечать торжественно не только юбилеи ученого, но и круглые даты, связанные с выходом в свет этого замечательного труда.

Академик Миллер — крупнейший ученый-славист, один из выдающихся российских специалистов конца

XIX — нач. XX вв. по сравнительному языкознанию, сравнительной мифологии и фольклору. Как было отмечено В.А. Кузнецовым, «трудно представить современное кавказоведение без того обширного и богатого по содержанию вклада, который внес в него В.Ф.Миллер почти на заре зарождения кавказоведческих дисциплин» [1].

Однако среди кавказоведческих интересов В.Ф. Миллера особо видное место занимает осетиноведение.

К комплексному изучению осетин Всеволод Федорович приступил не случайно: интерес к индоиранской филологии появился у него еще в студенческие годы. «Интерес к Кавказу, в особенности к Осетии, ее народу, его поверьям и языку захватили Всеволода Федоровича совершенно, и он остался им верен до конца жизни» — писала П.С. Уварова [2]. Исключительные заслуги Всеволода Федоровича в развитии научного осетиноведения подчеркнуты В.И. Абаевым: «Достоинны изумления как всеобъемлющая широта и многогранность, с какой В. Миллер подошел к изучению небольшого кавказского народа, так и монументальность сделанного им научного вклада. Язык, фольклор, религия, история, этнография — ничто не укрылось от его пытливого взора, в каждой области он оставил фундаментальные работы, сохраняющие свое значение до настоящего времени. Редко бывает, чтобы познание какого-либо народа, его языка, его прошлого, его духовной культуры, было так тесно связано с именем одного ученого» [3].

О В.Ф. Миллере-ученом существует обширная литература [4]. Но в ней не нашли отражение взгляды Всеволода Федоровича на этногенез и древнюю

историю осетинского народа. Между тем, отмечает В.И. Абаев, «вопрос о происхождении и прошлых судьбах осетинского народа так тесно связан с вопросом происхождения истории осетинского языка, что, будучи историком языка, В.Ф. Миллер стал тем самым и историком народа» [5]. Проблемам истории осетинского народа Всеволод Федорович посвящает третью часть «Осетинских этюдов», которая представляет собой «первую в отечественной историографии попытку научного изложения древней истории осетин, генетически связанных с аланами» [6].

В эпоху В.Ф. Миллера одним из сложных и запутанных вопросов в осетиноведении оставалась проблема этногенеза осетин.

По ряду объективных причин вопрос о происхождении осетинского народа оказался настолько сложным, что породил множество «теорий», предположений, гипотез (иранская, угро-финская, семитская, германская, половецкая, славянская, монгольская, тюркская, кельтская, кавказская).

Однако подавляющее большинство их было опровергнуто уже современниками ученого, так как они представляли собою «хрупкие сооружения из более произвольных догадок, натянутых сопоставлений» [7]. В частности, уже тогда сам В.Ф. Миллер подверг резкой критике сторонников семитского происхождения осетин — В. Пфафа, Д. Лаврова.

Что касается теории аланского (иранского) происхождения осетин, то она была выдвинута Я. Потоцким, поддержана и развита Клапротом, Мюллергофом, но получила полное и окончательное утверждение лишь в трудах В.Ф. Миллера. Как отмечал В.И. Абаев,

из перечисленных выше теорий только иранская была обставлена солидной научной аргументацией.

Время показало, что Миллеровский этап в исследовании осетинского языка был необходим, ибо заложил прочные основы для построения истории этого языка [8], и через данные этого языка позволил заглянуть в глубины истории носителя этого языка.

Преимущество В.Ф. Миллера по сравнению со своими предшественниками весомое. Он подошел к теории иранского происхождения осетин, опираясь на лингвистические, археологические, этнографические исследования, данные эпиграфики и фольклора своих предшественников, и доказал их индоевропейское происхождение. «С тех пор, как В.Ф. Миллер привел доказательства в подтверждение догадки Клапрота и Мюлленгофа, никто уже больше не сомневается в том, что кавказцы-осетины — последние потомки «европейских иранцев»...

Со времени Геродота и Плиния они назывались скифами и савроматами (сарматами), а позднее под именем алан и роксолан потрясали то, что оставалось от старого мира» [9].

Прибыв на Кавказ и заинтересовавшись осетинами, В.Ф. Миллер определил программу своей деятельности, наметил вопросы, на которые решил дать ответы: «Какая судьба загнала иранцев-осетин в нынешние места их поселения и оторвала их от других иранских народов? Какое воспоминание сохранили они о своем прошлом? Какие сведения сохранились о них в исторических документах? Каков склад жизни, каковы их религиозные воззрения? Какое место занимает их язык в группе иранских языков? Како-

вы произведения их народного творчества и т.д. [10]. На все поставленные перед собой вопросы ученый дал, на наш взгляд, глубокие и исчерпывающие ответы.

Одна из самых весомых научных заслуг В.Ф. Миллера заключается в доказательстве единства и родства скифов и осетин через сармат и алан, в доказательстве того, что «предки осетин входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до н.э. под именем сарматов и отчасти скифов и занимали припонтийские и приазовские степи на протяжении от нижнего Дуная до Волги и Урала» [11], т.е. весь юг России, с VII в. до н.э. по III в. н.э. Исследование языка осетин позволило ученому отнести осетин «к народам иранской группы арийской ветви индоевропейской семьи, к той обширной группе, к которой в древности принадлежали мидяне, персы, а в настоящее время принадлежат персияне, афганцы, курды, талыши, таты, белуджи, таджики Средней Азии и некоторые памирские племена» [12].

В.Ф. Миллеру, как никому другому из его современников, удалось выстроить четкую линию принадлежности к индоевропейскому колену сармато-алано-осетин. «Возьмем ли мы сармата времен Геродота, аланина времен Аммиана Марцеллина или осетина недавнего прошлого — во всех них окажутся знакомые черты этого типа» [13].

Всеволод Федорович — первый исследователь скифских личных имен и названий. Он совершил специальную экспедицию в Крым (Ольвия, Танаис), где сохранились со скифских времен греческие и припонтийские надписи. Таких «варварских» надписей (личных

имен) известный востоковед В.В. Латышев передал Миллеру в количестве 425 единиц.

Ученый, изучив их, установил иранское происхождение большинства надписей и преемственную связь осетинского языка и скифо-сарматского. Он также доказал, что значительная часть скифо-сарматских собственных имен оказывается иранской, а из иранских языков наиболее близка к осетинскому языку [14]. На этом основании Миллер обоснованно считал скифов и сарматов предками нынешних осетин. Обнаружив иранские имена на эпиграфических памятниках Северного Причерноморья, В.Ф. Миллер пришел к выводу о тесных связях между греческими городами Боспора и кавказскими аланами [15].

Эпиграфические изыскания Всеволода Федоровича были продолжены и значительно продвинуты В.И. Абаевым. При этом, если В.Ф. Миллер и его предшественники (Мюлленгоф, Юсти) больше основывались на звуковых сходствах с осетинским языком и искали лишь внешне созвучные слова, то Василий Иванович принимал во внимание и их культурное содержание [16]. Таким образом, благодаря этим двум корифеям осетинского языкознания было обнаружено большое количество скифских слов (имена, названия), которые могли быть объяснены только с осетинского (æлдар, сæр, базыг, саг, арс, куыздз, хæрæг, æндон, хæринаг, æлутон, сæн, мыд и др.) [17], причем некоторые скифские имена совпадали с именами героев нартовских сказаний — Асамаз, Варазмаг, Бора, Созир [18].

В.Ф. Миллер был первым из ученых, высказавшим мнение о том, что перво-

начальной родиной скифов была Средняя Азия, установившим, что скифы шли на юг России и Северный Кавказ северным путем в доисторическое время, задолго до рождения Христа.

Ученый считал, что, прибыв на искомую территорию, они заняли весь юг России с VII-го по III в. до н.э. Он утверждал, что «предок осетинского языка уже существовал, по меньшей мере, за тысячелетие до рождения Христа [19], что «иранская речь еще слышалась на низовьях Дона, берегах Меотиды и Северного Кавказа в то время, когда в юго-восточных степях России показались полчища гуннов» [20]. Считая осетинский язык представителем северо-западной ветви иранской группы, В.Ф. Миллер тем самым как бы отыскал лингвистическую родину предков осетин.

Всеволодом Федоровичем установлены не только древность и среднеазиатское происхождение скифов («предки нынешних осетин явились из Азии в Восточную Европу еще в доисторические времена» [21]), но и маршрут их продвижения на запад. На основе наличия в осетинском языке слов урало-алтайского происхождения (названий металлов — серебра, меди, свинца, а также животных, растений, птиц), он доказал, что скифы пришли на юг России северным путем. Путь, которым следовали предки осетин (сармато-скифские племена) из среднеазиатских степей, шел на север от Каспия, через р. Урал и Волгу. Предки осетин не пришли в места, занимаемые в настоящее время этим народом, из Азербайджана (Мидии) [22]. И это научное положение впоследствии было развито и еще более обосновано В.И. Абаевым [23].

В своей «Истории» Геродот писал, что скифы делились на группы: 1) царские, 2) западные (пахари, земледельцы) и 3) восточные (кочевники). При этом древнегреческий историк отмечал, что первыми, кто занял нижнее течение р. Дунай, древнюю Скифию, были скифы-пахари, которых считал более развитыми. Именно в западной части Скифии сохранилось большинство святилищ, там же хоронили скифы своих царей, а не в царской Скифии. Здесь Анахарсис совершал в честь богов празднества на иноземный манер [24]. Другие две группы скифов некоторые ученые (Ф.Г. Мищенко) считали угро-финского происхождения, что вызвало резкое несогласие Миллера. Всеволод Федорович ничуть не сомневался в ираноязычности царских скифов и скифов-кочевников, но считал их более поздними пришельцами из Азии, более дикими и воинственными [25]. В.Ф. Миллер критиковал ученых, считавших скифов однородной племенной массой. Он считал их индоевропейцами, среди которых присутствовал и иранский этнический элемент, и это доказывал иранским характером названий скифских божеств, личных имен...

Согласно мнению Геродота, подтвержденному В.Ф. Миллером, скифы делились на три основные группы. Запертые в сердце Кавказа осетины берут свое начало не от всего скифского племени. По мнению Ж. Дюмезиля, они относятся к одной скифской ветви, прикрепленной к южнорусской степи [26]. Напрашивается вопрос, к какой из этих групп (ветвей) непосредственно восходят отдаленные предки осетин? На наш взгляд, на вопрос можно дать однозначный ответ: к западной группе, и вот почему.

Во-первых, согласно исследованиям В.И.Абаева, в большинстве своем земледельческая терминология осетин имеет соответствие в языках европейских: хсырф (серп) в славянских и балтийских; фсир (колос), стивдз (штифт), тиллаг (урожай) — в германских; фсондз (ярмо) в балтийских и германских, фæхт (ступа для толчения) — в славянских и балтийских, дзывыр (соха) — в новогреческом [27]. Во-вторых, очень многие обряды, связанные с земледельческим календарем осетин, имеют гораздо более тесные осетино-европейские параллели, нежели осетино-кавказские [28]. Между тем известно, что из скифских племен земледелием интенсивно занимались лишь западные скифы (скифы-пахари). Освоив у соседей земледелие, скифы вместе с ним заимствовали у них и соответствующие терминологию и обрядность. В-третьих, о тесных контактах скифов-пахарей с соседними европейцами свидетельствуют и скифо-европейские изоглоссы на стыке Запада и Востока, которым В.И. Абаев посвятил специальное исследование [29]. И, наконец, в-четвертых, В.Ф. Миллер своими изысканиями установил наличие иранского элемента в быте и культуре Западной Скифии [30]. Следовательно, есть основание возводить к отдаленным этногенетическим предкам осетин не всех скифов, а лишь тех, которые жили на западе скифского мира по соседству с европейцами.

Ядром осетинских версий нартовских сказаний являются древние скифские и аланские мифы — таков вывод, сделанный В.Ф. Миллером на основе скрупулезного изучения эпоса. К такому заключению пришел ученый, об-

наружив в скифских эпиграфических надписях имена нартовских героев. Вывод, сделанный ученым из анализа Нартиады, был безупречен: и терминология, и фольклорно-исторические параллели в своей существенной части по происхождению — скифо-сармато-аланские (осетинские). Этот вывод о генезисе Нартиады получил дальнейшее развитие в трудах последующих поколений ученых и нашел отражение во мнении выдающегося французского ученого Ж. Дюмезиля. «Именно у осетин и, конечно, отчасти уже у их далеких предков, сформировалось ядро нартовского эпоса, и наметились его главные герои. Знаю, что, вынося это суждение, я огорчу своих черкесских и абхазских друзей, но истина дороже дружбы: в основе своей нартовский эпос осетинский» [31]. Следовательно, благодаря изысканиям В.Ф. Миллера в науке утвердилось положение о том, что предки осетин пришли на Кавказ не только со своим языком, но и со своим эпосом.

По Геродоту и Аристотелю, у скифов была «чаша героев», из которой в торжественных случаях могли пить «только те скифы, которые убивали неприятелей» [32]. В осетинских нартовских сказаниях эта чаша получила волшебные свойства и даже собственное имя Нартамонга или Уацамонга. Почитание ритуальной чаши отмечено также у сарматов (Помпоний Мела) и средневековых алан (Низами Гянджеви) [33]. На пиршествах чаша чудесным образом поднималась к устам того из нартов, кто оказывался достойным богатырской чаши.

В осетинской Нартиаде зафиксирован обычай скальпирования и утилизации скальпов для шуб, что буквально соответствует аналогичному

скифскому обычаю, зафиксированному Геродотом. В осетинских гумирах-великанах В.Ф. Миллер увидел предшественников скифов на юге России — ираноязычных киммерийцев. В эпосе (женитьба Хамыца на дочери покровителя подводного царства Донбеттыра) и в народных сказках осетин имеются предания, которые позволяют проводить параллели со скифской легендой. Согласно ей, родоначальник скифов происходит от бога и нифмы, чей полузмеиный вид указывает на ее водное происхождение.

Наряду с нартовским эпосом для доказательства скифо-осетинского тождества В.Ф. Миллер, впервые в науке, проводит довольно убедительные скифо-аланские и скифо-осетинские этнографические параллели.

Еще в 80-х гг. во время экспедиционной поездки в Дигорское ущелье в с. Галиат В.Ф. Миллера заинтересовало святилище Авд дзуары. Оно позволило ему провести скифо-аланские параллели: культ семи богов был одним из самых популярных в аланской среде [34], а через алан унаследован осетинами. В настоящее время культ семи богов обнаружен в ряде ущелий горной Осетии (Регах, Кроз, Пурият, Ерман и др.) [35].

В.Ф. Миллер первым обратил внимание на некоторые скифские и аланские архаические обряды и обычаи, бытовавшие среди осетин до последнего времени и зафиксированные также в античных источниках. Это гадание на ивовых палочках, обряд захоронения коня, поклонение очажному огню, осквернение могилы предков как тягчайшее преступление, память о культе меча...

К скифской эпохе восходили также участие широкого круга родни и од-

носельчан в оплакивании покойника, многочисленные разорительные поминки, которые имели широкое распространение и среди осетин до начала XX в., ритуал присяги, аналогичный скифскому [36]. Тщательное исследование религиозного мира осетин позволило В.Ф.Миллеру сделать вывод о том, что существенная часть терминологии, связанной с религиозными и мифологическими представлениями, имеет явно скифо-аланское происхождение.

Работа В.Ф. Миллера «Черты старины...» [37] является выдающимся трудом, послужившим весомым аргументом в обосновании этногенетического вывода о скифо-алано-осетинском единстве. Научная ценность ее состоит в том, «что в ней сопоставляются не одни фольклорные мотивы с другими, а фольклорные мотивы, с одной стороны, и исторические реалии (быт скифов, сарматов и алан), с другой» [38]. Со временем работами Ж. Дюмезиля, В.И. Абаева и других исследователей был заметно расширен круг скифо-осетинских параллелей и выявлен ряд разительных сходжений, касающихся верований и обрядов, военных традиций и обычаев, социальной структуры скифов и осетин, сохранившихся у последних как в нартовских сказаниях и преданиях, так и в реальном быту [39].

За этот же период были существенно расширены скифо-осетинские изоглоссы в виде фразеологизмов, пословиц, ритуально-культовых терминов, инвектив (осет. æлгъыст), отдельных выражений, практически идентичных скифским или объяснимых из скифских реалий [40].

Таким образом, предпринятый В.Ф. Миллером в 80-х годах XIX в. первый

решительный шаг в исследовании скифо-осетинских параллелей сегодня вырос в целое научное направление.

Проанализировав все существующие литературные источники (византийские, грузинские, армянские, арабские), В.Ф. Миллер подтвердил и развил тезис о скифо-сарматском единстве. Вслед за Геродотом, считавшим сарматов произошедшими от скифов и говорящими на их языке [41], ученый выявил, что скифы и сарматы являются коленами одного народа, отличаются они диалектами и другими особенностями.

Исследуя историю происхождения алан, Всеволод Федорович, с одной стороны, солидарен с Иосифом Флавием, считавшим алан скифским племенем [42], с другой, считает их одним из сарматских племен и предками современных осетин.

История, быт и культура алан стали предметом пристального внимания ученого, а сделанные им выводы получили признание в научном сообществе. При этом В.Ф. Миллер считал предками осетин не всех алан, а лишь кавказских [43].

Как писал В.Ф. Миллер, «аланы населяли Северный Кавказ на территории нынешней Кабарды, по соседству с печенегами, хазарами, джиками» [44]. Но Всеволод Федорович указывает и на наличие аланских поселений в горах, что в последующем подтвердили своими исследованиями археологи-кавказоведы.

В частности, В.А. Кузнецову удалось развить это положение Миллера и доказать, что восточные аланы делились на горных и равнинных.

Археологический материал, добытый ученым в горной Осетии (Чми, Балта, Кобань, Верх. Алкун, Даргавс,

Архон, Камунта, Галиат и др.), датируется VI-VII вв.

Им рисуется также картина продвижения алан в горные ущелья и освоение ими горной зоны под номинацией Уаллаг Ир (Верхний Ир) [45]. При этом необходимо отметить, что аланские катакомбные могильники обнаружены не только на северных склонах Центрального Кавказа, но и на южных (Дманиси, Жинвали, Тбилиси). Развивая дальше свои мысли, В.А.Кузнецов пишет: «Допуская гипотезу об «Уаллаг Ире» как Верхнем Ире, мы должны допустить антитезу о вероятном существовании историко-географического понятия «Даллаг Ир», т.е. Нижний Ир, впоследствии стертых временем. Территориально эта часть страны Ирхан (название страны восточной группы алан по Дербент-Наме — Л.Ч.) должна была соответствовать предгорной равнине Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и части Ингушетии и Чечни, насыщенной аланскими «земляными» городищами и катакомбными могильниками I — нач. II тыс. н.э. [46].

Таким образом, выдвинутое Миллером положение об аланских поселениях в горах при дальнейших археологических исследованиях пролило свет на неизвестную ранее страницу в истории расселения аланских племен. Вопрос этот весьма интересен и нуждается в дальнейшем изучении.

В исторических анналах античной эпохи последнего времени встречались параллельные племенные названия: аланы, осы, ясы, языги. Некоторые исследователи считали их разными народностями. Критикуя их, Миллер одним из первых установил идентичность алан и осетин, доказав, что название «аланы» в свидетельствах

средневековых историков и географов обнимало и предков нынешних осетин [47]; что правомерно отождествление предков осетин алан с грузинским «осы» и русским «ясы» [48]. К этому важному выводу ученый пришел не только на основе изучения и анализа византийских, древнегрузинских, латинских и других источников, но и трудов средневековых писателей Запада и Востока [49]. Это утверждение Миллера (аланы и осы грузинских источников — один и тот же народ) получило дальнейшее развитие и подтверждение в трудах В.И. Абаева, Ю.С. Гаглойти [50].

В исследованиях В.Ф. Миллера мы находим ответы и на другие, неизвестные науке его времени, вопросы: с каких пор предки осетин приходили в столкновение с тюркскими племенами, и как происходило вытеснение осетин из древних мест их поселения [51], каким путем аланы, проживавшие на плоскости, пришли и заняли нынешние горные территории [52].

Начиная с нашествия гуннов, «постепенное давление тюркских племен на Северном Кавказе было главной причиной постепенного сокращения древней территории осетин», — замечает В.Ф. Миллер [53]. Всеволод Федорович пишет и о судьбе алан после нашествия Чингис-хана, Батыя и Тамерлана, об уходе алан с побережья Азовского моря и Дона, затем и с предкавказской равнины, о занятии их территории адыгскими племенами. Ученый заключает: «Самое сильное и многочисленное из адыгейских племен — кабардинцы — удержалось на плоскости до наших дней и в течение нескольких веков держало замкнувшихся и запертых в горах осетин в экономической зависимости от себя» [54].

До В.Ф. Миллера существовало общее представление о расселении алан по Северному Кавказу. Но ни один источник не указывает конкретную территорию, которую занимали аланы, территорию, на которой формировалась аланская государственность. По А. Марцеллину, аланы были размещены по обеим частям света..., жили на далеком расстоянии друг от друга и кочевали на огромных пространствах [55]. Согласно же сведениям Прокопия Кесарийского, аланы — соседи иберов, сванов и абазгов, а близ них живут зихи. В другом месте тот же автор помещает алан на севере Кавказского хребта до Каспийских ворот [56]. Проанализировав существующие источники, В.Ф. Миллер вносит ясность в вопрос: «Осетины лишь в недавнее время замкнулись в узких рамках Центрального Кавказа, что еще совсем недавно они населяли равнинную полосу Северного Кавказа, Кабарду и степи Прикубанья, Приазовья. Из этих древних мест поселения были вытеснены тюркскими племенами» [57]. И это было не голословное утверждение, а подтвержденное убедительными лингвистическими и историческими материалами заключение. Проведя солидную экспедиционную работу в Кабарде и Карачае, он пришел к выводу о том, что «эта территория первоначально принадлежала аланам-осетинам, которая, после поражения их от татаро-монгол, была занята адыгейскими племенами» [58].

«Личные наши наблюдения, — пишет ученый, — типа горских татар, изучение их преданий и обычаев, а также топографических названий — рек, перевалов, ущелий, гор и т. п. — вполне убеждают нас в том, что татары не со-

ставляют в этих местах (верховьях Черка, Чегема и Баксана. — Л.Ч.) коренного населения, но что они явились сюда с севера, с плоскости, и смешались с коренным осетинским населением, оказавшим влияние на их тип, обычаи и даже отчасти на их язык» [59].

Согласно исследованиям В.Ф. Миллера, топографические, культовые и другие названия от Уруха до Эльбруса и верховьев р. Кубань представляют собой топонимику иранского происхождения, несколько измененные осетинские слова в дигорской форме (дон, авцаг, дор, сурх, масуг, фандаг, ком, цуппар, хос, дуа, хуцаубон, Тотур, кардзун, догъуат и др.) [60].

Эти материалы свидетельствуют о том, что предки дигорской ветви осетин в историческом прошлом занимали территорию значительно западнее от нынешней Западной Осетии. Исследуя название «асы» (как называют балкарцев осетины), Миллер производит его от «ясы» русских летописей и «осы» грузинских и считает, что балкарцы «наследовали название вместе со страной, из которой вытеснили более древнее осетинское население» [61]. Продолжив и углубив начатое В.Ф. Миллером изучение балкарского и карачаевского языков, В.И. Абаев доказал, что не менее 40 процентов слов лексики балкаро-карачаевского языка имеют алано-осетинское происхождение, не говоря о терминах духовного содержания. Развивая взгляды Миллера, В.И. Абаев устанавливает, что осетинские элементы в балкарском и карачаевском языках не результат новейших заимствований, а результат старого аланского смещения, происходившего на территории всех ущелий от Терека до верховьев р. Кубань [62].

О том, что страну от Эльбруса на восток занимали аланы-осетины, помнили и их бывшие ближайшие соседи — абхазы, адыги. Соседи горских татар сваны еще до сих пор называют Осетией страну от Эльбруса на восток, некогда населенную осетинами [63]. В том же духе высказывается грузинский географ и историк Вахушти: «Вся эта страна еще гораздо позже называлась Овсет», и лишь «после опустошения Овсета татарами и бегства оссов на Кавказ, Овсет была названа Черкез и Кабарда» [64].

В результате археологической экспедиции, совершенной В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским в Балкарию, ими были изучены крепостные сооружения с. Хулам. Ученые пришли к выводу: «Башни по кладке камней и по типологической четырехугольной форме напоминают совершенно башни, виденные нами в горной Осетии. Вероятно, строители их были предки нынешних осетин и были построены раньше появления татар в ущельи Черека» [65]. Верность заключения Миллера и Ковалевского подтвердили последующие исследователи [67].

Значимость собранного учеными в Балкарии материала состоит в том, что дает возможность для характеристики жизни первых обитателей этой страны — алан-осетин, а также свидетельствует о широких торговых связях, существовавших у алан с Византией и восточными странами, а также об основных занятиях осетин (ремесло, вооружение и др.).

В.Ф. Миллер высказал суждение и о термине «Алания»: «Название алан на Кавказе пережило древних иранских носителей этого имени: предков осетин. Последние следы «Алании»

сохранились в Главном хребте, приблизительно близ источников Кубани и Кодора, на юге нынешнего Карачая и на северо-западе от Сванетии» [66]. Стало быть, «носителями этого имени следует понимать не осетин, а карачаевцев и балкарцев» [68].

Исследуя вопрос о расселении алан до нашествия татаро-монгол, В.Ф. Миллер установил, что Алания делилась на Западную, заселенную дигорцами, и Восточную — иронцами. Ученый установил и территориальные рамки обеих Аланий. По его мнению, территория расселения западных алан простиралась от подножья Эльбруса к верховьям Кубани и Большой Лабы [69], что с этими аланами можно связать в основном аланские памятники Верхнего Прикубанья.

Большую архаичность языка дигорцев ученый обосновывает тем, что дигорское племя раньше иронского попало в условия замкнутости и изоляции в горных ущельях, которые способствовали «консервации» его языковых признаков и его расхождению с иронским, носители которого значительный период продолжали находиться в интенсивных межплеменных сношениях в условиях открытой равнины и успели перейти на новую ступень языкового развития [70].

Развивая мысли своего предшественника, В.И. Абаев и Г.С. Ахвледиани также отмечали, что дигорский язык в своем развитии остановился и задержался [71]. О том, что Западная Алания была заселена дигорцами, свидетельствует и Зеленчукская надпись, расшифровку которой при помощи дигорского диалекта осетинского языка первым осуществил В.Ф. Миллер. Впоследствии В.И. Абаев в принципе

согласился с расшифровкой Миллера, но прочел надпись в несколько измененной форме и с поправкой датировки — не XI–XII вв., как утверждал Миллер, а X–XII вв. [72].

По мнению В.Ф. Миллера, поддержанным позже В.А. Кузнецовым, аш-дигорцы имели своих сарматских предков; по его мнению, ими могли быть сираки [73].

Всеволод Федорович интересовался и территорией расселения восточных алан, с этой целью он совершил археологические экспедиции в горные ущелья Северной Осетии, Ингушетии и Чечни. В ходе экспедиции он изучил в Дигорском ущелье — аланские могильники V–VII вв. в районе Камунта и Галиат, а в с. Вакац — склеповые сооружения. В Алагирском и Куртатинском ущельях объектами его интересов были оборонительные сооружения, скальные крепости, башенные и склеповые сооружения, культовые памятники. Вывод, к которому пришел ученый на основании анализа материалов экспедиции, лаконичен: в I тыс. н.э. основные ущелья северного склона Центрального Кавказа являлись территорией расселения алан.

На основе новых археологических материалов В.А. Кузнецову удалось не только подтвердить, но и развить вывод, сделанный В.Ф. Миллером.

Впервые В.Ф. Миллер отождествил плоскостную территорию Восточной Алании с областью Ардоз, т.е. современной Владикавказской равниной. На эту мысль ученого натолкнула «Армянская география» А. Ширакаци, где указывается, что восточнее дигорцев область Ардоз Кавказских гор занимают аланы [74], а за ардозцами в горах живут двалы и племена, «в земле

которых находятся ворота Алании», т.е. Дарьяльский проход, выходящий непосредственно во Владикавказскую равнину.

В отличие от аш-дигорцев, аланы-иронцы, или ардозцы, имели других сарматских предков — аорсов (они же аланорсы, роксоланы), находившихся в родственных связях с сираками и поселившихся в Центральном Предкавказье позже алан-аш-дигорцев. Это мнение В.А. Кузнецова разделяют и другие исследователи [75].

Таким образом, расхождение аш-дигорцев и иронцев по языку произошло еще в североиранской, аланской или даже в скифо-сарматской языковой среде. По утверждению ученого, до VII в. обе ветви осетинского народа имели общее имя, после чего разделились на роды и носили родовые имена — дигорцы и иронцы [76].

После В.Ф. Миллера вопросы исторического сложения двух основных групп осетинского народа продолжил В.А. Кузнецов. «Этногенез двух основных групп осетинского народа, — писал он, — может быть объяснен длительным и мощным включением в местную кавказскую среду двух этнически родственных, но отличавшихся диалектами, этнографических групп древнего сарматского населения» [77]. Развивая эту тему, он же в другой своей работе писал: «Дальнейшая историческая судьба двух этнически родственных аланских племен аш-дигоров и «ардозцев» неразрывно переплетена, а их последующее развитие протекает в рамках обширного аланского племенного союза, а с X в. — раннефеодальной аланской государственности.

Катастрофические события середины XIII в. наносят непоправимый удар

социально-экономическому и культурному развитию уже сильно смешанных к этому времени аланских племен и приводят к резким изменениям в этногеографии Северного Кавказа — осетинские племена оттесняются глубоко в горы, где их застаёт современная история» [78]. Такковы основополагающие суждения В.Ф. Миллера об этногенезе и древней истории осетинского народа, прочно утвердившиеся в науке.

При всей непререкаемости авторитета В.Ф. Миллера как ученого нужен критический подход к его научному наследию, к допущенным им фактическим ошибкам.

Самым главным недостатком трудов Миллера по осетиноведению последующие поколения кавказоведов назовут увлечение иранским влиянием, что было вызвано господством в науке того времени сравнительного метода.

Неправ был Всеволод Федорович, считавший, будто мусульманство проникло к осетинам не с востока, а с запада, из Крыма, в X в. [79]. На самом деле мусульманство проникло к осетинам из Кабарды в XVII-XVIII вв. и распространилось преимущественно среди высшего сословия Дигорского и Тагаурского обществ Северной Осетии.

Сильно преуменьшает Миллер численность мусульман-переселенцев с Кавказа в Турцию после Кавказской войны (20 тыс.). Неверно и то, будто большей частью они были чеченцы. В действительности, численность переселенцев достигала от 500 тыс. до 1 миллиона, а среди них преобладали адыги.

Как показали многочисленные последующие исследования, В.Ф. Миллер глубоко ошибался, когда возводил про-

исхождение северокавказской башенной культуры к грузинскому влиянию [81]. Путаницы и ошибки ученым допущены и в вопросах хронологии конкретных археологических памятников [81].

Ю.С. Гаглойти и В.А. Кузнецов подвергли критике тезис В.Ф. Миллера об извечной культурной отсталости народов Кавказа, находившихся вдали от культурных центров, называвшего их «дикарями кавказских ущелий». Есть исследователи, которые распространяли эту нелестную характеристику на современные Миллеру народы Кавказа. То, что он имел в виду времена доисторические, видно из следующих слов ученого: «Кавказ в древности мог отстать от западноевропейских культурных стран и был по отношению к ним самым глухим «захолустьем» [82]. Исключается, чтобы у человека, испытывавшего большое уважение к осетинам (да и к другим кавказцам), называвшего их древним сочленом индоевропейского общества, народом с христианскими традициями и имеющего свою письменность еще в раннее средневековье, подчеркивавшего его склонность к просвещению, его интеллигентность, повернулся язык обозвать их дикарями.

К сожалению, человеческие слабости не были чужды и такой интеллигентной личности, как Всеволод Федорович. Оставшись недовольным от встречи с некоторыми информаторами из с. Дзау, он неліцеприятно отозвался об южных осетинах, о тех, о которых четыре десятилетия ранее восторженно писал немецкий путешественник К. Кох, особенно о проявленном ими гостеприимстве, но все это частности.

Взгляды Миллера, безусловно, отражают уровень исторической науки

на Кавказе на рубеже XIX-XX вв. Однако за прошедшие полтора столетия ученые кавказоведы, опираясь на труды предшественников и на новые архивные и археологические материалы, обогатили науку новыми трудами и научными открытиями. Поэтому современный уровень исторического кавказоведения требует внесения корректив во взгляды даже таких корифеев науки, как В.Ф. Миллер.

Вывод ученого об аланском (иранском) происхождении осетин для второй половины XIX в. был большим достижением исторической науки, и это несмотря на то, что не было единого мнения по затронутому вопросу. Одни исследователи считали их чистыми аланами, другие — местными кавказскими племенами, а третьи — новой этнической общностью, смешанной с местными племенами. Взгляды Ю. Клапрота и В. Миллера страдали односторонностью. Они были сторонниками чистого иранства осетин, исключали кавказскую среду как этногенетический фактор, прямолинейно возводя осетин к сарматским племенам. Кстати, кроме сторонников Миллера, односторонностью страдала и выдвинутая позже Н.Я. Марром концепция, согласно которой преувеличивалась роль кавказского элемента в формировании осетин [83]. В унисон с мнением Н.Я. Марра звучит и взгляд археолога Е.И. Крупнова на этногенез осетин, считавший последних истыми кавказцами по происхождению, внешнему облику и культуре и иранцами по языку [80]. Между тем, ни одну научную концепцию, отрицавшую кавказский субстрат в этногенезе осетин, нельзя считать серьезной; необходимо считаться с фактом смешения скифо-сар-

мато-аланских племен с автохтонным населением Кавказа. Со своей стороны В.И. Абаев, не разделив ни чисто иранское, ни чисто кавказское происхождение осетин, выдвинул концепцию, согласно которой осетины — синтез, слияние двух начал — пришлого, ираноязычного, и местного, кавказского. При этом кавказский элемент в формировании осетинского народа выступает как субстрат [84]. Эта точка зрения оказалась наиболее оправданной и близкой к истине и была поддержана подавляющим большинством ученых — участников Всесоюзной сессии по этногенезу осетин в 1966 г. в г. Орджоникидзе.

Со времен Миллера в науке господствовала этногенетическая концепция (схема) родословного древа, которая не оставляла места для процесса смешения. Кроме того, теория кавказского субстрата начала разрабатываться с конца XIX в., потому ни Клапрот, ни Миллер, естественно, не могли опираться на нее. Вот потому прав В.И. Абаев, когда он говорит: «Ставить Миллеру в упрек, что он не учитывал кавказский субстрат, это все равно, что ставить ему в упрек, что он не летал на самолете или не занимался подводной археологией» [85]. Между тем, Миллер, хотя и был сторонником чистого аланизма, но объективно не отрицал влияния местной среды на формирование осетинского народа. В.А. Кузнецов отмечал наличие значительного количества древнекавказских слов в осетинском языке, указывал на проникновение в осетинский язык слов и звуков из языков соседних народов, например грузинского и кабардинского. Рассматривая осетинские народные предания о Залиаг калм, Всеволод

Федорович увидел в них общекавказское народное поверье о змееборце, избавляющем людей от чудовища-змеи.

Известный ученый-кавказовед Б.А. Калоев написал замечательное исследование о Всеволоде Миллере. Солидаризуясь с ученым в аспекте аланского происхождения осетин, Борис Александрович считает ошибочным мнение Миллера о том, что «нынешние осетины составили только часть алан, а не весь народ» [86]. Упрек Б.А. Калоева нам кажется необоснованным. Безусловно, аланы — этнически иранские племена. Однако с укреплением их политического союза слово «аланы» стало географическим понятием и подразумевало всех входящих в аланский племенной союз. Такого же взгляда придерживались Г.А. Кокиев и В.А. Кузнецов. Аланы были большим союзом племен, куда входило и автохтонное население Кавказа, по крайней мере, в период расцвета государственности (X–XII вв.).

В.Ф. Миллер оказался на Кавказе на начальной стадии сбора, публикации и изучения нартовских сказаний и очень ими заинтересовался. Познакомившись с нартовским эпосом, он говорил, что эпос весьма богат по содержанию и заслуживает серьезного изучения [87].

Вполне естественно, что на стадии знакомства с разными вариантами эпоса он считал его северокавказским и заявлял, что еще рано ставить воп-

росы о его принадлежности, времени распространения и авторства в создании главных типов Нартов. Несомненно, если бы Миллер жил и писал свои исследования по эпосу десятилетия позже, когда нартоведение сформировалось как научное направление, взгляды его о национальной принадлежности основного ядра эпоса не расходились бы с мнением Ж. Дюмезиля и В.И. Абаева.

Итак, как видим, только благодаря фундаментальным исследованиям В.Ф. Миллера по кавказоведению и, в частности, по осетиноведению, в науке прочно утвердилось положение, «что маленькая народность осетины представляют собою последних потомков большого иранского племени, которое в средние века известно было как аланы, в древности — как сарматы и понтийские скифы», и что генетическая связь осетин с аланами и скифами не дает основание считать их пришлыми по происхождению и отрицать их формирование в качестве этноса на Кавказе [88].

Труды В.Ф. Миллера по осетинам и другим народам Кавказа стали прочной основой для дальнейшего развития кавказоведения. Их историческое значение в том, что они открыли широкие горизонты для основательного изучения разноплеменного и многонационального Кавказа в историческом, археологическом, этнографическом, лингвистическом и фольклорном аспектах.

1. Кузнецов В.А. Академик Миллер как археолог-кавказовед // Сборник трудов. Института языка, экономики, истории и литературы при Совете Министров СО АССР. Т. XXX1 (история). Ордж., 1976. С.182.
2. Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1904. Т. 20. Вып. 1. С. 4, 10.
3. Абаев В.И. Всеволод Миллер как осетиновед. К 100-летию со дня рождения // ИЮОНИИ. Вып.1. Сталинир, 1948. С. 24.
4. Калоев Б.А. В.Ф.Миллер-кавказовед, Ордж., 1965. С. 92.
5. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 36.
5. Дюмезиль Ж. Осетинский язык и мифология. М., 1976. С. 34.
6. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.1, М.,1881, Ч.11, М.,1882, ч.III. М., 1887. Ротапринтное издание трех частей. Вл., 1992. С. 101.
9. Абаев В.И. Всеволод Миллер как осетиновед. К 100-летию со дня рождения // Известия ЮОНИИ. Вып. 1. Сталинир, 1948. С.25.
10. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.3. С. 101.
11. Там же. С.74.
12. Там же. С.71.
13. Там же. С.101.
14. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.3. С.135.
15. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. Т.Х, 1888. С.232-282.
16. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С.71.
16. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С.201.
17. Там же. С.196-197.
18. Там же. С. 199-200.
19. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. С.51.
20. Там же. С. 11-15.
21. Там же. С. 97.
21. Там же. С. 118-119, 123, 135.
22. Там же. С. 42.
23. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Запада и Востока. М., 1965.
24. Геродот. История в девяти книгах. Перев. и прим. Г.А. Стратиновского. Л., 1972. С. 56, 71.
25. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.3. С. 123-125.
26. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. С. 252.
27. Абаев В.И. Избранные труды. Т.2. Вл., 1995. С.415, 416.
28. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. С.504-519.
29. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Запада и Востока. М., 1965.
30. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.3. С.76.
31. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. С.169.
31. Абаев В.И. Избранные труды. Т.1. Вл., 1990. Т.11. Вл., 1995.
32. Геродот. История в девяти книгах. Перев. и прим. Г.А.Стратиновского. Л., 1972. С. 70.

33. *Гаглойти Ю.С.* Скифо-осетинские параллели // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территории // Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Вл., 2008. С.112.
34. *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // В.Ф. Миллер. В горах Осетии. Вл., 1998. С. 198.
35. *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // В.Ф. Миллер. В горах Осетии. Вл., 1998. С. 198.
36. *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // В.Ф. Миллер. В горах Осетии. Вл., 1998. С.427.
37. *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // В.Ф. Миллер. В горах Осетии. Вл., 1998. С.423.
38. *Абаев В.И.* Всеволод Миллер как осетиновед // Изв. ЮО НИИ, вып. VI, 1948. С.25.
39. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С. 15.
39. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 32.
40. *Гаглойти Ю.С.* Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территории // Юбилейные XXV Крупновские чтения... С. 236, 112.
41. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С.15, 47.
42. Там же. С. 15, 41.
42. Там же.
43. Там же. С. 39, 50.
44. Там же. С. 59.
45. *Кузнецов В.А.* Средневековые Уаллаг Ир и Даллаг Ир: аланы горные и равнинные (гипотеза или реальность?) // Юбилейные XXV Крупновские чтения... С. 62.
46. Там же. С. 65.
47. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С. 116.
48. Там же.
49. Там же. С. 7.
50. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С.261-264.
51. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. 3. С. 11.
52. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. 2. С. 48.
53. Там же. С. 43-44.
54. Там же. С. 98.
55. Там же. С. 7.
55. *Кузнецов В.А.* Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии. С.65.
56. Там же. С. 65-66.
57. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С.46.
58. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С. 48.
59. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С. 32.
60. *Миллер В.Ф.* Археологическая экспедиция в Терской области // МАК. Т.1. Тифлис, 1888. С. 95.
61. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С. 109.
62. *Абаев В.И.* Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетин-

- ского народа. Ордж., 1967. С. 21.
64. *Вахушти*. География Грузии // ЗАКОИРГО. Кн.1 Вып. У. Тифлис, 1904. С. 429.
65. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С.109.
66. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.1. С. 13.
67. *Кузнецов В.А.* Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии... С. 62.
68. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. *Ахвледиани Г.С.* Статьи по осетинскому языку. Кн.1. Тб., 1960. С. 60-64.
68. *Миллер В.Ф.* Археологическая экспедиция в Терской области // МАК. Т.1. Тифлис, 1888.С.40.
69. *Миллер В.Ф.* В горах Осетии. Сборник трудов. Вл., 1987. С. 468; *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. 3. С. 7.
70. Там же. С. 7-10.
71. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 362; *Ахвледиани Г.С.* Сборник статей по осетинскому языку. Кн.1. Тб., 1960.
72. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 271-290.
73. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.III. С.105-106.
74. Из нового списка географии, приписываемого Моисеем Хоренским. Перев. К.Патканова // ЖМНП. Ч. ССXXVI. СПб., 1883. С. 30.
75. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963.С. 193.
76. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С.42.
77. *Кузнецов В.А.* Некоторые вопросы этногенеза осетин ... С.76.
78. *Кузнецов В.А.* Очерки по истории алан. Орджоникидзе.
79. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С. 108-109.
80. *Крупнов Е.И.* Проблема происхождения осетин по археологическим данным. С. 39.
81. Там же.
81. *Городцов В.А.* Бытовая археология. М., 1910. С.315; *Кузнецов В.А.* Академик Миллер как археолог-кавказовед // Сборник трудов. Института языка, экономики, истории и литературы при Совете Министров СО АССР.Т.XXX1 (история). Ордж., 1976. С.179-180.
82. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч.3. С. 121.
83. *Март Н.Я.* Ossetika-laphetika ||NRAN V1 | Сер. XII, 1918. С. 21, 141-164, 114-119.
84. *Абаев В.И.* Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Ордж., 1967.
85. Там же. С. 18.
86. *Калоев Б.А. В.Ф.* Миллер-кавказовед, Ордж., 1965. С. 92.
87. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвал, 1983.
88. *Кузнецов В.А.* Академик Миллер как археолог-кавказовед // Сборник трудов. Института языка, экономики, истории и литературы при Совете Министров СО АССР. Т. XXX1 (история). Ордж., 1976. С. 178-179.